

Галина Комичева

*Всё больней
и любимее
жизнь...*

Галина Комичева

Всё больней и любимее жизнь...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70599205

*Всё больней и любимее жизнь: Алетейя; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-90670-558-7*

Аннотация

В новую книгу Галины Комичевой «Всё больней и любимее жизнь...» вошли стихи из предыдущего сборника «На срезе дерева» (Киев, 2009 г.), а также стихотворения, написанные за последние годы.

Содержание

Пейзажи	8
«Который час? – ну да, уже светает...»	8
«Ну вот, я, наконец, свободна для постиженья трав...»	9
«Мы с Природой одни. Ничего-то мне больше не надо...»	11
«Птицы лесные! великие музыканты!...»	12
В северном лесу	13
«Серебристо-голубое небо над землёй...»	14
«У сосен красные стволы...»	15
«В июльский воздух набросали пряных специй...»	16
«Татарское зелье в глубокой ночной темноте...»	17
«На небе ни облачка, воздух прозрачен...»	18
«Последние тёплые дни...»	19
«Как сторожа, у самой у веранды...»	20
«Кончается лето, кончается небо для птиц...»	21
«Подсолнухи освещают день...»	22
«Звёзды падали в траву...»	23
«На берегу Днепра две горстки рыбаков...»	24
«спокойное лето...»	25
«Падает свет на ладонь подорожника...»	26

«Холодный, дрожащий в тумане, дождь моросит...»	27
«Всё голо. Лютят дожди. Классический ноябрь...»	28
«Одна. Болею собой...»	29
«На чистом листе декабря...»	30
«Деревня в январе прозрачна и невинна...»	31
«Снега. Тем летом вот на этом месте...»	32
«В морозное утро по чистому полю...»	33
«Такой театральный, замедленный падает снег...»	34
«Какая долгая зима!...»	35
«В Голосеево, возле озёр...»	36
«Тяжело и покойно лежало Балтийское море...»	37
«Волны морские с размаху...»	39
«Ужасно море. Третий день штормит...»	40
В один из дней 1971-го года	41
«Я люблю тебя, дерево...»	43
Апрель	44
«Июльский дождь упал, как камень...»	45
«Я не забуду Пирогово...»	46
Музыкальный момент	47
«Куда вы меня не пустили?...»	48
«Ещё не скоро у закатов зимних...»	49
«Вот оно, время громов и молний...»	50

«За ночь расчистилось небо над городом...»	51
«берег...»	52
«Как больно мне смотреть на красоту...»	53
Март	54
«Ещё не март. Под крепкой коркой льда...»	54
«Как трудно мне в бесснежном декабре...»	55
«В неделю зимних проводов...»	56
«Март безпризорный, импрессионист...»	57
«Неряха-Март, рубаха-парень!...»	58
«Будут трудные дни. Косматые движутся тучи...»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Галина Комичева

Всё больней и любимее жизнь...

© Г. Комичева, 2014

© #Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

* * *

Пейзажи

«Который час? – ну да, уже светает...»

Который час? – ну да, уже светает...
Могучий тополь примет весь огонь,
всю тяжесть солнца, листья засверкают,
кидая свет с ладони на ладонь.

Огромный мир и в эту ночь не спал,
он, каторжный, вращал земное тело,
превозмогал, ворочал, закипал
в мирах непостижимости пределов.

...Прокаркала ворона. Городской
проснулся житель, в сущности, как просто, —
умыв лицо, вдохнув рассветный воздух,
он в океан вливается людской.

«Ну вот, я, наконец, свободна для постиженья трав...»

*Кузнечик дорогой,
как много ты блажен...
Гораций*

Ну вот, я, наконец, свободна для постиженья трав.
Кузнечик дорогой, как долго мы друг к другу
навстречу прыгали!

Скажи мне, как ты жил,
пока влюблялась я, рожала деток,
ходила добывать хлеб, мясо, молоко?

Какою мудростью дарил тебя Восток?
Какую заповедь сложил ты несмышлёным,
чтоб не завидовали птицам певчим?

Легко с тобой.
Здесь центром мироздания стоит ромашка.
О себе всё знает.
Здесь вековые стебли спорыша
упрямая комаха раздвигает и проползает.
А куда? Куда?!

Хоть не спеша, пускай идет, —
её тернистый путь
увенчан будет непременно чем-нибудь.

...А правда ли, кузнечик-музыкант,
служитель мой искусства для искусства,
что здесь добро и зло находят тень,
но спорить не хотят. Скажи, кузнечик!

«Мы с Природой одни. Ничего-то мне больше не надо...»

Мы с Природой одни. Ничего-то мне больше не надо.
Мне известно, что Времени нет, а Вселенная есть, —
она здесь, под ногами,
в цветах огородной картошки,
в глазах простодушных овец и в золотистых стогах.

За деревней пастух неподвижно стоит среди трав,
в долгополом плаще, будто колокол,
спущенный с храма.
Тень по травам бежит, заливая все больше земли,
заливая всё больше земли, всю её занимая.

«Птицы лесные! великие музыканты!...»

Птицы лесные! великие музыканты! —
от ветки — к Богу, от Бога — к ветке,
неугомонные перекликанты
с душами растворившихся предков.

Я изучаю ваши секреты
с утра до ночи, и с ночи *до...*
Из ничего вы опять на рассвете
возникаете, будто вдох.

В северном лесу

Костяника цветет
и земля заманихой пахнет.
Можно молча стоять,
как в готическом храме.

Ахает...
Птица какая-то
ахает-ахает-ахает...
и еловая шишка
с самого верху падает.

За сосною,
подальше,
не напоказ —
пожилой,
однозубый пан
то ли мох, то ли сказ шамкает.
А деревья, согласно ему —
шапками.

«Серебристо-голубое небо над землёй...»

Серебристо-голубое небо над землёй,
облако, как выдох Бога, тает надо мной.
Бесконечная дорога, сколько ни иди,
незаметно оборвётся где-то впереди.

Там, в невиданном просторе,
там, где высоко,
станет тихо, станет просто,
просто и легко.

«У сосен красные стволы...»

У сосен красные стволы,
у солнца странные привычки, —
как мальчик, наигравшись в спички,
вдруг заскучает и уйдёт.

Давно мы не были в лесу,
здесь где-то есть одно болото,
где в стиле позднего барокко,
или скорее, рококо,

сплелось и спелось, что могло,
чего на свете не бывало,
но в память намертво легло
и ощущением заковало.

Там беспощадно и умно
земное время верховодит,
и тени стрелки переводят
туда, где тайно и темно.

«В июльский воздух набросали пряных специй...»

В июльский воздух набросали пряных специй,
томление липы нарушает все приличья,
июль, восточный душегуб и сладкопеец,
в любви к прохожим объясняется публично.

На скатах ярко-красных крыш и крыш зелёных
располагается избыток неба,
внутри каштанов, до предела раскалённых,
угадываются развилки нерва.

Вот что-то будет, наконец, вот что-то будет,
заполыхает кавардак горячей формы,
лукавый замысел ползёт улыбкой Будды,
а всё, мол, ничего, а всё, мол, в норме.

«Татарское зелье в глубокой ночной темноте...»

Татарское зелье в глубокой ночной темноте
стоит, как охранник, желтеющий, но неусыпный.
И стереозвуком разносятся гимны воде
стрекожущих, лапчатых, крячущих, зеленоспинных.

...О ком они? – «кум-королю – королю он не кум»,
и здесь, как ни странно, всё это имеет значение.
«А ты кому кум? – А я никому и не кум,
я верю в свое легкокрылое предназначенье».

Кувшинки-царевны, зеленая ряска, как сон,
мои музыканты устали и просят антракта.
Когда-то ведь надо и помолчать для порядка...
...Звучит тишина и луны золотой камертон.

«На небе ни облачка, воздух прозрачен...»

На небе ни облачка, воздух прозрачен,
ничто не колеблет поверхность воды.
На том берегу, на участке на дачном
под божьей опекою зреют плоды.

Там муж и жена, наклонившись над грядкой,
неторопливый ведут разговор
о том, что повсюду одни беспорядки
и надо бы новый поставить забор.

О, летняя, благословенная скука,
вечерние запахи, курьи следы!
Коза на приколе всё ходит по кругу
и замерло время у самой воды.

«Последние тёплые дни...»

Последние тёплые дни,
как улыбка на грустном лице.
Все уехали в город, остались одни
старики во господней руце.

Время встало на месте одном,
на селе после сбора подсолнуха,
по утрам, за парным молоком,
будут сны толковаться по сонникам.

Впрочем, толку-то сны толковать
никакого, да всё ж развлечение
между тем, как воды натаскать
и домашней скотине почтение
той, что кормит людей, оказать.

«Как сторожа, у самой у веранды...»

Как сторожа, у самой у веранды
стояли мальвы. На небе ночном
мигали звёзд холодные брильянты,
мы пили чай пустой, болтая ни о чём.

А где-то за прудом раскачивались сосны,
трудились муравьи, боровики росли,
не дожидаясь дня. Там небольшого роста
мохнатый пан играл мелодии свои.

Нам не хотелось спать. В чертогах мироздания
творилось нам неведомое, и
неоновой луны ленивое блужданье
нам не давало в дом из-за стола уйти.

«Кончается лето, кончается небо для птиц...»

Кончается лето, кончается небо для птиц,
сегодня они еще носятся, как на пожаре.
Высокий и точный полёт, он для избранных лиц,
для косточки тонкой и не жизнестойкой, пожалуй.

Счастливый бы случай хотя бы одну уберёг,
летала бы птица, летала бы, не умирала,
она для других угольком высоту отмеряла б,
да будет к ней милостив, будет к ней милостив Бог.

А что до меня, то и весь бы мне век наблюдать,
как из помарки пустой образуется туча
и растворяется тут же. И что тут гадать, —
я для себя не искала бы участи лучшей.

«Подсолнухи освещают день...»

Подсолнухи освещают день,
гром прогремит не завтра ещё,
туман пройдёт, как от Бога тень.
восстанет дуб, как Его плечо.

Сгребут стога всех небес лучи,
конь забредёт далеко в луга,
всё что звучало, вдруг замолчит,
небо раскроется донага.

«Звёзды падали в траву...»

Звёзды падали в траву,
и с травой соприкасаясь,
таяли и превращались
в сновиденье наяву.

Ночь раскинула крыла
над затихшею деревней.
Были призрачны деревья,
и земля была тепла...

«На берегу Днепра две горстки рыбаков...»

На берегу Днепра две горстки рыбаков,
привязанные прутиками к силе
большой воды, до вечера застыли,
реки неспешной принимая кровь.

Закатный свет прибрежные кусты
окрасит охрой, удлинятся тени,
хозяин вод в невиданных владеньях
заговорит наречьем темноты.

И будет ночь огромна над Днепром,
и будут небеса над ним бездонны
с дрожащей филигранью, с серебром,
значками нот упавших с неба долу.

«СПОКОЙНОЕ ЛЕТО...»

спокойное лето

холмы

ничего не прошу у судьбы

по небу плывут времена-времена

какое у них исчисление

я не пойму

«Падает свет на ладонь подорожника...»

Падает свет на ладонь подорожника,
солнце всем телом легло на луга,
маки горят в ожиданье художника
и неподвижны стога.

Тёмные ирисы среди равнинного
времени, как объясненье в любви.
Ветки деревьев, их нервные линии
впишутся в строчки мои.

«Холодный, дрожащий в тумане, дождь моросит...»

Холодный, дрожащий в тумане, дождь моросит,
но если тепло одеться и зонт над собою раскрыть,
хорошо в эту пору смотреть на тяжёлое тело реки.

Неужели где-то воюют сейчас?
Идут президентские выборы?
Дверь закрывают на ключ?..

«Всё голо. Лют дожди. Классический ноябрь...»

Всё голо. Лют дожди. Классический ноябрь.
Ничто не нарушает совершенства
стволов промокших, веточек продрогших,
и точно вычерчена луж густая рябь.

Всё, что могло отпеть и отплясать,
ушло, как не было. Законы постоянства
неведомы природе, и пространство
даёт себе свободу замирать
на высшей точке грусти и блаженства.

«Одна. Болею собой...»

Одна. Болею собой.
За окнами после дождя
тонкие-тонкие, тёмные-тёмные
руки пустых тополей.

Долгая ляжет зима
под шорох троллейбусных шин,
скажи-ка мне, время, куда,
куда мы с тобою спешим?

Книгу раскрыть наугад,
в ней будет написано так —
«для много страдавшей души
не так уж печален закат».

«На чистом листе декабря...»

На чистом листе декабря
одни воробьи да вороны.
Бело и безлюдно. Не зря
мой город в глубоком миноре.

В Золотоворотском саду,
где летом интеллектуалы,
закинув одна на одну
конечность, умно толковали

о свойствах старинных зеркал,
о нематерьяльных частицах,
разносится сольное «карр!»
золотоворотской певицы.

Мой город прошит сквозняком,
обрывками речи татарской,
он с птицею этой клювастой
лет триста, по слухам, знаком.

Лишь старый фонтан, как во сне,
молчания полная чаша,
феномен покоя редчайший,
себя экономит к весне.

«Деревня в январе прозрачна и невинна...»

Деревня в январе прозрачна и невинна,
всё в воздухе зимы готово к Рождеству,
луна по вечерам восходит на средину
светящихся небес, чтоб сгинуть поутру.

Деревня замерла. Куда ни кинешь око, —
безбрежные снега. За мглистый край земли
уходит санный путь и за земным порогом,
как чья-нибудь судьба, теряется вдали.

«Снега. Тем летом вот на этом месте...»

Снега. Тем летом вот на этом месте
неслышно одуванчик облетал,
ходил по полю аист бестелесный
и мыслями в абстракциях витал.

Стога крутыми, теплыми боками
пространство собирали, и когда
садилось солнце, с древними богами
соприкасалась тёмная вода.

И день и ночь невидимое время
проходит среди белых берегов.
По косточки корявые деревья
стоят во льду на привязи веков.

«В морозное утро по чистому полю...»

В морозное утро по чистому полю
разбросаны ранней зимы жемчуга.
Все стороны света открыты, и полны
безмолвием белым снега.

За избами время живет по-другому, —
задумавшись, тихо кружит у сосны.
По небу высокому, по голубому
плывут бесконечные сны.

«Такой театральный, замедленный падает снег...»

Такой театральный, замедленный падает снег,
как на немецких, ещё довоенных открытках, —
под белую кровлю дом,
и во двор приоткрыта калитка,
в доме покой и уют, и путнику тёплый ночлег.

В эту минуту нигде нет ни предательств, ни горя,
нет никаких государств, трубопроводов и смет,
а небо вокруг и земля, да великое царство покоя,
и медленный, замороженный, нетающий падает снег.

«Какая долгая зима!...»

Какая долгая зима!
Какой невыносимый холод!
Безлюден и безмолвен город,
и надо бы сойти с ума.

Не правда ли, три тыщи лет
вокруг ничто не происходит,
и тусклый ангел скуки входит
и с крыльев стряхивает снег.

«В Голосеево, возле озёр...»

В Голосеево, возле озёр
тишь расставила сети для шума,
о январской, о кроличьей шубе
вспомнил клён, городской фантазёр.

Ах, какая же осень была! —
наплела разговоров с три короба,
и как женщина, всё отдала,
и ушла, в чём стояла, из города.

Всё свершилось, никто не сплюшал,
ветер в городе мусор гоняет,
а душа неземная витает,
она просто летает, душа.

«Тяжело и покойно лежало Балтийское море...»

Тяжело и покойно лежало Балтийское море.
Ленивые чайки по кромке песчаной,
как люди, вразвалку вперед и назад ходили.

Я в поезде ехала долго, мне видеть хотелось,
как море взвихрится в девятибальной пляске,
чтоб брюхо морское развёрстое было,
чтоб на берег сила морская бросала
дракона с разинутой пастью,
хрустальные замки, замок за замком чтоб разбивала,

гнала бы из темно-зелёных глубин
сверкающих всадников, скачущих в дюны,
и старого мокрого бога Нептуна
в разодранной ветром короне.

...И день проскучав у воды, билет я купила
обратный. И тут...

...Скажите, ведь странно, что мы, горожане,
так неохотно и редко голову вверх поднимаем,
а там глубина не от мира сего.
Дно мира.

«Волны морские с размаху...»

Волны морские с размаху
чёрные камни дробят,
с парусника рубаха
спадает до самых пят.

Кто этот безумец, что вышел
к вселенной один на один?
Безумцу без моря не выжить,
а морю – без бригантин.

...В городе мрут олеандры
в средиземноморской тоске.
Приезжий скучает в тени на веранде
с бумажным стаканом в руке.

«Ужасно море. Третий день штормит...»

Ужасно море. Третий день штормит.
Бугшприт продрогший выброшен на берег,
оборванные тросы оживают в шипящей гальке.

С тяжёлой медленностью набирая гнев,
коричневая мутная махина,
как бык в корриде, округляет спину,
чтоб сверху кинуться на волнорез, перевернуть киоск,
и маленьких людей загнать в кофейню.

В кофейне хорошо, но не уходит боль,
а значит, надо оставаться с морем,
и вдаль смотреть со сдержанностью мола,
и думать: «до чего бесстрастен кипарис»,
и брать уроки старости красивой.

В один из дней 1971-го года

Мне странно, что и я когда-нибудь умру,
навекі успокоюсь, и в соседстве с другими
труппами... Ну нет, я не умру!

Мой город, как он может, не пойму,
спокойно отпустить меня во тьму?

...Поверить ли, что буду я везде,
в цветочках-лепесточках, что облаком я стану,
что буду я стоять торжественным каштаном
на улице моей, и – с гимнами весне?

Нет, что-то здесь не так.
Проблема – не пустяк.

...Речным песочком тоже
на берегу Днепра не хочется мне быть.
И если посудить, на что это похоже! —
всю душу во кристаллик заключить
и жизнь земную навсегда забыть?

А вот придумали ещё – быть квантом света...
И этого я не приму совета.

Я верю в жизнь,

я верю в птичью стаю,
я верю в душу, ту что на земле,
и всё что дышит и произрастает,
давно и благодарно верит мне.

«Я люблю тебя, дерево...»

Я люблю тебя, дерево,
и твоё растворение в воздухе,
и паренье твоё надо мною,
и легкие вздохи.

И когда мне темно,
настежь я открываю окно,
и смотрю в темноту – ты паришь,
ты паришь, значит, всё не так плохо.

Апрель

– Что делает Природа?
– Что делает? – Живёт,
сама того не зная,
свободней всех свобод.

Сверкает или тлеет,
снег выпал-снег сошёл.
– Ну как тебе в апреле?
– В апреле хорошо.

Не думать о вчерашнем
и завтрашнем, и прав
тот куст, что нас, дурачась,
цепляет за рукав.

Я эти шутки знаю
на память, наизусть,
апрель вселяет радость
и выселяет грусть.

«Июльский дождь упал, как камень...»

Июльский дождь упал, как камень.
Июльский дождь упал на мостовую.
С такою сверхъестественною силой
его бросало неземное существо
с необычайно развитой мускулатурой.

Раскачивая контуры домов,
дворов колодцы заполняя криком,
он был движеньем, гневом, был великим,
был гением дождепадения. Гнев его
начало брал в субстанции астральной,
чтоб разрешиться пляской ритуальной.

«Я не забуду Пирогово...»

Я не забуду Пирогово —
ячмень, полынь-трава, тепло...
и лето вязкое текло,
как мёд из банки трёхлитровой.

Лицом — к свободе ячменя,
затылком — к темноте декабрьской,
и я была вольна дикарски,
как будто не было меня.

Музыкальный момент

Листья в лесу перегнили.
Со скрипкою на весу
до нитки раздетое дерево
качается на ветру.

Кру-кру – над лесом,
скрип-скрип – скрипка,
последние птичьи каприччо
и лучшие, может быть.

Ши... шишки мокрые,
шо... шорох осени,
последние шумы сосен
и лучшие, может быть.

«Куда вы меня не пустили?...»

Куда вы меня не пустили?

Туда,

где солнце творит удары сквозь крону
кипящего дуба?

Туда не пустили,

где под ногами тугой подорожник
мимо ушей пропускает клёкоты тёмного мира?

Не пустили туда,

где ночь воздвигает хрустальные вертикали?

Где дерзкие ливни,

кляняся последнею клятвой последнего
жизнелюбца

любят и любят родящую землю,

и нас обнимая до нитки, и нас обнимая...

«Ещё не скоро у закатов зимних...»

Ещё не скоро у закатов зимних
закончится малиновый запал.
Края села, пригорки и низины
безмолвны и нежны. Бог задремал
за огородами у ледяного пруда.

В предчувствии рождественского чуда
застыли деревья. Сосед мне рассказал,
что здесь в сочельник ангелы летают
и в душах мир надолго поселяют.

В покое бесконечного блаженства
гляди в окно на санные пути,
на здешний день, высокий и божественный,
чтоб было с чем остаток дней пройти.

«Вот оно, время громов и молний...»

Вот оно, время громов и молний,
природа пашет и вкривь и вкось,
скопилось в жилах крови крамольной,
и началось!

Разгулевались большие страсти,
располыхался язычник-дуб,
расклокотался в пропащем царстве
открытый, дерзкий, вселенский дух.

Земля всё примет, – видала всяких!
Когда природы счастливый вздор
в последнем ливне вконец иссякнет,
услышим дерева тихий вздох.

«За ночь расчистилось небо над городом...»

За ночь расчистилось небо над городом,
липы, надев золотые короны,
не шевелятся. Под царственным пологом
тьнь разливается в разные стороны.

Из ничего зажигается жизнь,
на перекрёстке секунды и вечности
силы небесные напряглись
формы меняя до бесконечности.

Веером солнце бросает лучи,
овладевая просторами лета,
мощным напором полдневного света
об человека ломая ключи.

«берег...»

берег
сосны
лодки там и тут
перевёрнуты
снасти
паутину
тонкую
покоя
ткуют

бессмысленной рукой
бессмысленные знаки
оставлю на песке
прикосновение ветра
прохладную ладонью
застынет на виске

ещё немного лет
и поплывём на лодке
за этот горизонт
а там обнимет вечность
я вспомню век короткий
как эпизод

«Как больно мне смотреть на красоту...»

Как больно мне смотреть на красоту,
на утренний туман, на световые пятна,
под влажными деревьями, на ту,
далекую и близкую черту,
светящуюся в зареве закатном.

В пространственных лесах,
где корабельных сосен
верха колышутся, тоскуют, говорят,
на восходящем солнце горят лесные торсы,
художники природы, творят они, творят.

Я душу напою для следующей жизни
тобой, небесный свет, тобой, земная плоть.
Свободно и легко, сегодня, завтра, присно
любить, вдыхать, владеть позволил мне Господь.

Март

«Ещё не март. Под крепкой коркой льда...»

Ещё не март. Под крепкой коркой льда
ворочается Днепр и хочет власти.
День-два ещё, и заклокочут страсти,
весенняя разыграет чехарда.

Заговорят поэты-идиоты,
пророки, забулдыги, мудрецы.
Хотите знать, зачем живём? – всего-то?!
родимые, что ваши бубенцы! —

колокола не могут... Ну и век! —
всё кубарем на этой на планете,
но есть и настоящие поэты,
без них ты – беззащитный человек.

«Как трудно мне в бесснежном декабре...»

Как трудно мне в бесснежном декабре
ключом скрипичным открывать пространство.
Сверчки, цикады, бабочки в игре
ума и размышлений беспристрастных.

Чуть слышно пробивается скворец
к душе запутанной, заклёванной воронами.
Не завтра Март, но ты где, наконец,
прозрение! За какими ты иконами?

Сойди, прошу! В промозглом декабре
мне без тебя никак не выжить.
Ворочается сила в дикаре,
а слов не выжать.

«В неделю зимних проводов...»

В неделю зимних проводов
стал ярче краснотал,
мой Март, дрожа от холода,
мартёнышем стоял.

И гнался ветер дебрями,
за кем, не знал он сам,
и гнулись ветки дерева,
и дождь плясал.

Всю ночь не спал весны трубач,
никто в ту ночь не спал,
и в час урочный, за полночь
мартёныш Мартом стал.

«Март беспризорный, импрессионист...»

Март беспризорный, импрессионист,
ключками свет разбрасывает белый.
Сверкающая грязь, как выпивший артист,
в большом театре площади запела.

О, мартовская грязь, ты дорвалась
до первой роли в городе и в поле,
и радость дикая твоя зажглась,
заклокотала в сумасшедшем горле.

Я дорого не дам за твой парад планет,
факир на час-на полтора, не больше,
но шум и гам весеннего дебоша
на много дней поселится во мне.

«Неряха-Март, рубаха-парень!...»

Л. И.

Неряха-Март, рубаха-парень!
ни в чём не знающий отказа,
пролаза, отщепенец, пария,
что там за пазухой, показывай!

– Что будешь делать, гость негордый?
– Петь равнодушным и глухим,
чтоб души безнадежно мёртвые
воскресли с шутовством благим!

Шали, мой Март напропалую,
пиши заборные слова,
растрачивай себя впустую
со всею силой естества!

«Будут трудные дни. Косматые движутся тучи...»

Будут трудные дни. Косматые движутся тучи,
душа не находит дорогу, часов зодиак
царапает воздух, секунды считая поштучно,
и в окна запаян луны потемневший пятак.

Иди в мастерскую! Тебя заждались подмастерья, —
подтаявший снег с подмалёвкой развязной весны,
павлин над палитрой в бумажных загнутых перьях
и полная банка белил. Да не будут грязны

полотна твои, живописец! Всей массою, всею

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.